

В поисках Ангела

В Большом зале Московской консерватории выступил всемирно известный американский контртенор Дэвид Дэниэлс

Мария БАБАЛОВА

Вялую летнюю публику заманивали афиши, обещая нечто нереальное — «Концерт для Ангела с оркестром». В итоге, несмотря на пик мертвого сезона и на то печальное обстоятельство, что знаменитого на весь мир певца, как это часто бывает, в России практически никто не знает, получился почти аншлаг.

Дорога американца до российской столицы оказалось долгой. Перед Москвой он совершил остановку на Урале. В Челябинском театре оперы и балета дал свой первый концерт в России. И, быть может, от этого в его московском выступлении чувствовалось немного сплина. Его концертная манера актерски оказалась предельно аскетична, что, правда, лишь только сильнее подчеркивало уникальную музыкальность исполнения и уникальность голоса звезды.

Официальная биография Дэвида Дэниэлса — контртенора началась 12 лет назад. В 1992-м году он дебютировал на сцене нью-йоркской Metropolitan Opera в партии Секста в «Юлии Цезаре» Генделя. И к настоящему моменту, не достигнув еще сорокалетнего возраста, он стал одним из самых высокооплачиваемых и известных певцов в мире. Даже в пуританском Новом Свете, где в отличие от старушки Европы, культура ультравысоких мужских голосов исторически неведома и поныне вызывает массу недоумений и шекотливых вопросов о причастии хирургов к рождению подобных голосов, как то случалось во времена царствования кастратов в опере, он безоговорочно любим публикой.

Контртеноровый голос в корне отличается и не предполагает никаких вмешательств извне, а развивает лишь природные данные его обладателя. После мутации подростковый дискант Дэниэлса трансформировался в обычный тенор, однако не утратив уникальной способности звучать в регистре, считающемся женским. Закончивший консерваторию в Цинциннати Дэниэлс был страшно раздосадован своими теноровыми достижениями и в

качестве «сопраниста» отправился на поиски своего певческого счастья в Мичиганский университет к знаменитому в прошлом черному тенору Джорджу Ширли.

Небольшой голос Дэвида Дэниэлса, который оказался способен заглушить и камерный ансамбль «Эрмитаж», что возглавляет модный гобоист Алексей Уткин, произвел очень чувственное, но в то же время парадоксально бестелесное впечатление. Определить, какое начало — мужское или женское, в нем доминирует, невозможно. Поэтому улыбки и шорохи на первых фразах баховской кантаты №82 Ich habe gepug («С меня довольно», повествующей о сладостном ожидании смерти как желанного избавления от земной суеты и ухода в жизнь вечную) в исполнении небритого американского Ангела были почти закономерны, впрочем, они не слишком выходили за рамки слушательских приличий. Интерпретация Дэниэлса оказалась скорее современно оперной, нежели аутентично ораториальной. И так, не поборов растерянности, в финале публика смогла выдать из себя лишь скромную порцию дипломатических аплодисментов.

Во втором отделении настал черед фирменного композитора в карьере Дэниэлса — Генделя, идеально подходящего исполнительской манере певца. Звучали изобильные на головкружительные пассажи арии из двух опер — «Роделинда» и «Юлий Цезарь» и лирическая ария из оратории «Саул» — на бис. Впрочем, ощущение настоящего театра, так и не возникло. Правда, публика свою дозу неопитского восторга все же получила. Хотя, как ни жаль, ясно дала понять, что в России феномен контртенора так и остался непознанной экзотикой, не нужной ей в реальной жизни. Быть может, если бы Дэниэлс имел шанс предстать в амплу оперного артиста, а не только в качестве концертного исполнителя, результаты летнего эксперимента оказались бы более объективными. Москва познакомилась именно с тем Дэниэлсом, по которому сходит с ума весь мир.

ИТАР-ТАСС

«Быть певцом гораздо труднее, чем выходить в открытый космос»

Дэвид ДЭНИЭЛС дал интервью «РК».

— Какой вам показалась Россия?

— Мое детство прошло в Южной Каролине, где воспитание и образование не позволяли составить какое-либо представление о России. Но я очень долго ждал этого дня, чтобы получить возможность приехать в Россию — страну, которая многие годы была закрыта для американских артистов.

— Есть ли в вашей жизни день, который вы хотели бы прожить дважды?

— Да. Это день моего выступления в «Карнеги-Холл». Это был первый, и пока единственный в истории этого знаменитого зала сольный концерт контртенора. Помню, что в тот момент я ощутил себя исторической фигурой, создающей современные страницы контртенорового искусства. И еще. Я очень рад, что для меня оказалась очень успешной работа с Virgin Classics. Благодаря нашему сотрудничеству появилось и теперь уже останется в веках очень много интересных и просто уникальных записей старинной музыки, которая, казалось бы, умерла вместе с эпохой кастратов.

— Когда-нибудь вы думали о себе: сегодня я — гений?

— Я заметил, что нечто подобное со мной происходит примерно один раз в три года. Видно, это зависит не только от меня, но и от расположения звезд.

— Вы верите в гороскопы?

— Нет, в гороскопы я не верю — считаю их лишь забавными. Я вырос

в христианской семье. Но что касается религиозных церковных обрядов, то и в них я не нахожу ни успокоения, ни удовольствия. В США многие церкви очень лицемерны. Я предпочитаю общаться с Богом напрямую, без посредников и условностей.

— Однако певцы считаются едва ли не самыми суверенными людьми среди артистов?

— Думаю, так оно и есть. Я всегда стараюсь придерживаться определенного ритуала в день выступления — сытный завтрак, плавно перетекающий в дневной сон, и потом теплый душ, принимая который я распеваюсь для выступления. В совершенном мире голос был бы подчинен мне, но в реальности чаще голос влияет на меня, на мое самочувствие и настроение.

— Какой заповеди в жизни стараетесь придерживаться?

— Я говорю себе: всегда улыбайся. Улыбка и смех помогают ощущать себя живым и продлевают жизнь.

— Какая вещь самая ценная для вас в жизни?

— Моя семья. В том, что я стал тем, кем являюсь сегодня, мои родители-певцы сыграли решающую роль. Всегда очень важно ощущать поддержку в семье того, что ты делаешь. Я очень много думал, прежде чем окончательно решил выбрать амплу контртенора. Самое трудное в жизни — это понять собственную сущность. И каждый день, каждое выступление — это открытие самого себя. Иногда не слишком комплиментарное, иногда очень лестное. Семья — это то единственное, насто-

ящее, что есть в моей жизни. Это моя гавань, где меня ждут и любят в независимости от того, насколько успешной была очередная моя гастроль.

— Вы не доверяете своей славе?

— Честно сказать, не очень. Моменты доверия славе постоянно сменяются неприятными мыслями и ощущениями того, что, если завтра я перестану петь, то вряд ли мои поклонники придут ко мне после того, как я поставлю точку в своей карьере.

— Как вы думаете, когда вы закончите петь, найдется еще в мире какая-нибудь профессия, в которой вам захотелось бы попробовать свои силы?

— Возможно, я займусь преподаванием вокала. А, быть может, каким-нибудь образом реализую свою страсть к спорту. Стану баскетбольным и бейсбольным комментатором. Хотя моя сегодняшняя жизнь, моя вокальная карьера — это реализация моей самой заветной мечты. Несмотря на то что я уверен, быть певцом гораздо труднее, чем выходить в открытый космос.

— Вы когда-либо о чем-нибудь просили своих поклонников?

— В Мюнхене у меня есть поклонник — врач, который имел обычное дело на каждое мое выступление приходил с цветами. Так вот однажды я попросил его заменить букет на лекарства...

— Если бы вам представилась возможность попросить композитора написать оперу для вас, к кому вы обратились бы с этой просьбой?

— Один современный композитор уже пишет для меня оперу. Она будет связана с некоторыми политическими персонажами. Но обещаю, дело обойдется без Саддама Хусейна и бен Ладана. А будь у меня возможность, я обратился бы с подобной просьбой возможно к Беллини, и, безусловно, стал бы умолять Генделя. Гендель — гений в создании глубоких характеров, полностью овладевающих сознанием исполнителя.

— Как вы относитесь к современной моде на аутентичное исполнение?

— Все зависит от исполнителя. Сегодня в мире достаточно много контратеноров, и я надеюсь, что в XXI веке будет все больше искусст-

ва и все меньше скандальности. Но я против захлестнувших концертные залы формальных стилизаций и имитаций. Если человеческий голос звучит лишь как инструмент, то это очень скучно. Для меня любое исполнение подобной музыки — это глубокое и искреннее проникновение в атмосферу этой эпохи. В каждую спетую арию или песню я вкладываю свое мироощущение и свой жизненный опыт. Исполнение любой музыки должно прежде всего быть наполнено чувством. Я счастлив, если в зале возникает ощущение, что я пою лично для каждого человека.

— Вы не в обиде на Верди, Пуччини за то, что они игнорировали ультравысокий мужской голос?

— Нет. Это во многом закономерно, так как у женщин появилась возможность выступать на сцене. Я искренне восхищаюсь оперой XIX века. Верди один из любимейших моих композиторов, стоящий где-то рядом с Генделем.

— Что вас больше всего вдохновляет в жизни?

— Выходные и каникулы — дни, когда можно спать, не ожидая подлого звонка будильника. По натуре я очень ленив.

— Что вы обещали привезти своим близким из России?

— Обычно мне подобных пожеланий не поступает. Я не могу похвастаться доскональным выполнением чьих-либо просьб подобного свойства. Но на всякий случай в моем чемодане лежат три шоколадных конфеты «Мишка», которые я стащил где-то в Челябинске.